

## РАССКАЗЫ

### Иные пространства

«Институт Солнца» — красиво звучит, но кроме названия ничего красивого в нем нет. Несколько зданий, дома сотрудников, пара солнечных батарей и огороды, огороды, огороды.

Никто не глядел на светило в телескопы, их там просто не было: в научном заведении изучали вопрос применения солнечной энергии в народном хозяйстве, но кроме летних душевых кабинок с бочками на крыше, где вода нагревалась жарким среднеазиатским солнцем чуть ли не до кипения, ничего не могли придумать. Хотя это придумано было до них и, наверное, не ими.

А солнце палило безжалостно. К середине лета оно выжигало всю траву в полупустыне, и она становилась похожей на пустыню. Репетиция удавалась, но премьера почему-то все время откладывалась. Местные коровы ели бумагу и давали молоко, больше похожее на подкрашенную известью воду, причем оттенок у него был синий — типографская краска давала о себе знать. Молоко было отвратительно водянисто, оно пахло водой, тухлой водой. Зато коровы, наверно, были гораздо умнее своих собратьев, питающихся травой. Какое количество знаний они поглощали вместе с газетами и с книгами — уму непостижимо.

Территория института была обнесена общей оградой, но со стороны полупустыни ее не было, она была только со стороны города, будто люди, жившие здесь, разводившие коров, коз, свиней, кроликов и еще неведь что, пытались защититься от города, который был вовсе не агрессивен, а по-восточному тих и сонлив. Только пустыне они были открыты, распахнуты настежь, они ее не боялись, потому что знали, ее нет, есть только черепахи — эти гонцы времени, по слухам, видевшие динозавров. Подумать только, людей не было, а черепахи уже были, миллионы лет тому назад...

Она ловила черепах, сажала их в коробку, кормила травой и разговаривала с ними. Они были живыми, они шевелили лапами, вытягивали и вытягивали головы на длинных морщинистых шеях и, казалось, были залиты до краев мудростью, но не хотели ни с кем ею делиться. По крайней мере ей они ничего не отвечали, а только медленно жевали траву и куда-то ползли по дну коробки, будто за ними кто-то гнался. Их не смущали стенки, движение было безостановочным, и создавалось впечатление, что они могут сквозь них проходить.

А они и в самом деле проходили сквозь них. Что им картонные стенки, что им железобетонные стены, они ведь видели динозавров и за ними не угнался сам Ахилл. Их стихия — время, а не пространство.

Черепahi быстро надоедали и она выпускала их. Вообще-то она мечтала вырастить всего лишь одну черепаху до огромных размеров. Она видела таких черепах по телевизору, ей очень хотелось покататься на черепахе, потому что в мультфильме «Львенок и черепаха» львенок рассекал по пустыне на черепахе, словно на водном мотоцикле, а чем она хуже львенка, да ничем, она даже лучше.

Но детство нетерпеливо, к тому же она думала, что одной черепахе будет скучно расти; так появлялась вторая, третья, а потом переполненная коробка переворачивалась и черепахи расползались в разные стороны. Толпа черепах ее раздражала, да она и не видела своих результатов, черепахи не росли, хотя она их усиленно кормила, потому что знала, им нужно много есть, это им пойдет на пользу, от этого они растут. Хотя сама, впрочем, как и любой другой ребенок в ее возрасте, ела неохотно и мало, если бы не заставляли, то могла бы не есть и целый день. Она носилась по полупустыне, исследовала все окрестные закоулки, иногда случалось, что на обед у нее были только пригоршни сладких корней васильков, которые она очень любила и которые в округе росли в изобилии.

Так все же зачем они приходили? Может, их привлекали огороды и жалкие подоби́я садов — райские кущи? Но в самом деле, не две же солнечные батареи, призванные вырабатывать электричество, но почему-то не делавшие этого, точнее, делавшие его, но так мало, так ничтожно мало... А зачем нужно электричество на той земле, где с избытком солнце, где все растет и ро́дится, была бы только вода?

В центре институтской территории был маленький бетонный бассейн, в нем нельзя было плавать, он был мелок и грязен, но зато там жили рыбки гамбузии, маленькие такие рыбки. Однажды в этот бассейн свалился мальчик. Это произошло зимой, в декабре, стоял лю́тый мороз — плюс пять по Цельсию. Он почему-то решил не обходить бассейн, а перебраться через него по металлической лестнице, и сорвался. А шел он к ней на день рождения и нес подарок. Хороший был мальчик, из военного городка, расположенного по соседству. Мокрый, грязный, он появился на пороге, вид его был жалок. Мальчика обсушили, усадили за стол...

Рыбки гамбузии, мокрый мальчик, торт. Приметы, координаты, идентификация себя, своего пространства.

Что такое память? Неужели всего лишь тонкие нити, которые протянули друг к другу нейроны в определенной последовательности и строгом порядке? Что заставило протянуть их эти нити? Мокрый мальчик, рыбка гамбузия, черепаха, сладкий корень василька... Как могли в этой темноте и путанице возникнуть гармония и порядок? Как?

Другая последовательность, другой порядок – другая память, другая жизнь, другой человек. Трудно в это поверить. Ведь и у других могут быть черепахи, рыбки, мальчики, торты и даже сладкие корни васильков, собранные за институтской оградой и съеденные там же.

Нет, другого ничего нет, есть только твоя память, поэтому черепахи только твои, и рыбки тоже твои, и мальчики, и васильки, и торты, плывущие по реке по имени Ахеронт с горящими свечами. Свечи будут зажигаться каждый год, и год от года их будет становиться все больше и больше, но когда-нибудь настанет день и некому их будет гасить. Негасимый свет. Свет свечей твоих именинных тортов освещает дорогу мрачному перевозчику с длинной бородой, правящему ладьей, которая медленно скользит поперек реки от одного берега к другому, туда и обратно, туда и обратно. Все поперек, поперек жизни. А по-другому не бывает...

Девочка жила в двухэтажном доме с обширным чердаком, и на чердаке жили кролики. Кролики жили не просто так, их специально разводили, и от этого их жизнь была наполнена великим смыслом: кто-то из них должен был стать тушенкой, а кого-то должны были испечь в духовке или просто изжарить на сковороде. Хотя планы относительно их постоянно менялись, но «окончательное решение» оставалось неизменным. Они усиленно готовились к своему предназначению: хорошо ели травку, быстро росли и еще быстрее размножались. Правда, самим кроликам, жившим на чердаке, да и вообще всем кроликам в мире, цель была неведома. Но она их, наверное, сильно не волновала — их полностью занимал процесс. Это так захватывает. Ах, если бы они знали... Впрочем, что бы изменило их знание? Но, может быть, кролики тогда были бы задумчивы и грустны.

Девочка много времени проводила среди кроликов. Да, кролики — не черепахи, она видела, как они рождаются, как они растут, как она радуются жизни, не подозревая о своем печальном конце. Последовательность была ей ясна, вся цепочка была перед глазами. А черепахи? Черепаха — сплошная тайна. Что скрыто под ее панцирем, какая пустыня находится там? За неделю кролика не узнать, он растет буквально на глазах, а черепаха не меняется. Неизменность ее пугала.

На чердаке у нее была трехлитровая стеклянная банка, в ней жили мошки. В отличие от черепах, на мошек она возлагала большие надежды. Ни много ни мало, она хотела вырастить из мошек человечков. А почему бы и нет? Рядом кролики, которые рождаются маленькими комочками, а потом вырастают. Ну да, мошки совсем крошечные, ждать придется долго, но и особо больших человечков она не хотела. Больших человечков и без того хватало вокруг, она была согласна на маленьких. Она каждый день, как какой-нибудь средневековый алхимик, пытающийся вырастить гомункула из гнилья, тряпья и прочей пакости, колдовала над своей банкой...